

АЙТАН
МАММАДОВА

ГРАД ВОЖИЙ

В пост-апокалиптической Европе середины XXI века власть над уцелевшей частью материка оказалась в руках клерикальной диктатуры. Неусыпный контроль над жизнью простых граждан осуществляет религиозная полиция нравов — Мутава. Офицеры Мутавы наделены почти неограниченной властью. Одному из них, по имени Стивен Эндрюс в качестве награды за безупречную службу устраивают брак с красивой девушкой по имени Лилиана. Девушке ничего не остается, как смириться со своей участью, ибо она — часть общества, где никто не волен распоряжаться жизнью по своему усмотрению. Единственными ее утешеньями являются дочь Эллен, родившаяся в течение трех лет брака и друзья — супруги Патрик и Гленда Джеффрис. Жизнь героини течет спокойно и монотонно, до сих пор, пока однажды вечером муж, вернувшийся домой с работы не сообщает ей, что доктор Патрик Джеффрис подозревается в анти-общественной деятельности.... На следующий день Лилиане приходится стать свидетельницей гибели Патрика, его супруги и даже их нерожденного ребенка, которым была беременна Гленда. Теперь перед героиней стоит дилемма — продолжать ли просто жить дальше, заботясь только о собственном благополучии, или рискуя свободой, репутацией, и даже жизнью попытаться отомстить палачам своих друзей, а заодно понять, за что они пошли на гибель.

Айтан Маммадова

Град Божий

Часть первая

I

Свет от мигалок полицейской машины и кареты скорой помощи падал на кирпичную стену одноэтажного коттеджа, освещая его в наступившем сумраке. Стоявшая на крыльце коттеджа молодая женщина в черном платье в сильной растерянности смотрела на сновавших вокруг полицейских и медиков. Казалось, ей было трудно поверить в происходящее. Дверь коттеджа отворилась, и на крыльцо вышел высокий темноволосый мужчина в кожаном форменном плаще, на лице у мужчины было мрачное и сердитое выражение.

— Стивен, — дрожащим голосом обратилась к нему женщина, — ради Бога, скажи, что она жива, ведь вам удалось ее спасти?

— Увы, Лил, — холодно произнес мужчина, — твоей подруги больше нет. Сочувствую.

Женщина пошатнулась при этих словах. Мужчина быстро подхватил ее и усадил в кресло-качалку, стоявшую в углу крыльца.

— Спокойно, Лил. Она сама была виновата, она и ее муж. Ты же все знаешь.

— Нет, — прошептала женщина, заливаясь слезами, — нет, это ты виноват. Ты утром застрелил мужа на глазах Гленды, она потеряла ребенка, и сегодня вечером покончила с собой. Всего за день ты уничтожил целую семью.

Мужчина сердито убрал руку с талии жены:

— Иди домой, Лил. Мы не будем обсуждать это сейчас. Если я приду поздно, ложись спать. Я закончу здесь и тоже приду.

Женщина сквозь слезы посмотрела на мужа. Да неужели он и впрямь думает, что она сможет сегодня заснуть. Как можно быть таким бессердечным? Но Стивен Эндрюс, больше не слушая, отвернулся, чтобы приказать младшему офицеру проводить его жену до дома.

Лилиана Эндрюс жила со своим мужем и двухлетней дочкой Элен на пятом этаже многоквартирного дома в престижном районе города. Ее ныне покойная подруга Гленда и ее супруг доктор Патрик Джефрис занимали небольшой коттедж на соседней улице. Патрик был главным врачом Центральной Городской клиники, жена работала там же администратором. Это были

единственные друзья Лилианы, муж которой был слишком занят на своей чрезвычайно важной службе по поиску и поимке вероотступников — самых опасных врагов общества в благословенном государстве Санта-Фелисити. Вчера Стивен пришел домой позже обычного и натянутым голосом сообщил жене, что на Патрика пришел анонимный донос из его же клиники, в доносе сообщалось, что доктор Джефрис хранит у себя нелегальные брошюры пропагандистского характера. На следующее утро Стивену Эндрюсу предстояло произвести обыск в клинике, и если донос подтвердится, арестовать доктора и его ассистентов. Это известие как обухом по голове ударило Лилиану, Патрик был уважаемым членом общества, у него было все — любимая работа, любимая жена, деньги, почет, зачем же он жертвует всем этим, на черта ему нужны какие-то дурацкие брошюры? Увы, предупредить его или свою подругу Гленду Лилиана не могла — после сказанного выйти из дома, не вызвав подозрения у мужа не представлялось возможным, подождать, пока он уснет, и позвонить тоже было опасно: во всем, что касалось его работы, Стивен проявлял крайнюю бдительность, поэтому и считался лучшим — он мог притвориться спящим и застукать жену на месте преступления (а помощь вероотступнику или даже лицу, подозреваемому в

вероотступничестве, иначе не назовешь!). Остается только завтра пойти и попытаться утешить Гленду, при этой мысли Лилиана почувствовала уколы совести — ведь она хотя и крепко любила Гленду, с которой дружила с детства, но всегда завидовала ее счастью, тому что ее муж любил и заботился о ней, старался проводить с женой каждый свободный час. Стивен не был таким, для него наличие семьи было скорее данью обычаю, не поощрявшему холостую жизнь достойного гражданина Санта-Фелисити. Его должность, его долг перед обществом, как он его понимал, неизменно были для него на первом месте.

II

Все следующее утро, после ухода мужа, Лилиана расхаживала по квартире, не в силах заставить себя пойти к Гленде, как собиралась накануне. Как она сможет утешить подругу, что ей говорить? Лилиана ощущала себя абсолютно беспомощной, раньше ей не приходилось иметь дел с женами людей, обвиненных в нарушении спокойствия общества. И все же она должна пересилить себя и пойти. С этими тяжелыми мыслями (время было уже близко к полудню), уложив малышку Элен спать, Лилиана вышла из дома и с сильно бьющимся сердцем пошла на

соседнюю улицу. Из дома Джефрисов не доносилось ни малейшего шороха, Лилиана постучала в дверь, никто не открыл. Она подняла руку для следующего стука, и в тот момент ей сзади кто-то положил руку на плечо. Обернувшись, Лилиана в ужасе отшатнулась: сзади нее стояла Гленда, бледная как полотно, платье было все в красных пятнах.

— Боже, Глен, что у тебя на платье, кровь? Это... Патрик?

Гленда не ответив, сунула руку в карман платья и вытащив ключ, открыла им дверь. Затем она нетвердой походкой прошла внутрь. С тяжелым предчувствием Лилиана последовала за ней. Войдя в гостиную, Гленда осмотрела комнату, так будто ее здесь давно не было. Взгляд ее упал на кожаное бордовое кресло в углу комнаты и вдруг она громко засмеялась. Смех был настолько жуткий, что у Лилианы пробежали мурашки по всему телу.

— Помнишь, Лил? Помнишь, как три года назад ты пришла ко мне сама не своя, и объявила сквозь слезы, что тебя выдают замуж за офицера Мутавы, то есть нашей полиции религиозных нравов? Я посадила тебя, рыдающую, в это кресло и пыталась утешить. А теперь ты пришла, чтобы утешить меня? А сама — то уже как, смирилась?

— Глен, к чему эти вопросы? — пробормотала Лилиана, конечно она помнила тот,

казавшийся ей тогда кошмарным момент, — я вчера узнала про Патрика, где он сейчас?

— А ты не знаешь? — в тоне Гленды было нескрываемое презрение, — этот зомбированный идиот, твой муж, явился сегодня утром в клинику, в кабинет Патрика, когда тот осматривал пациента. Потребовал прервать осмотр и открыть сейф. Патрик сказал, что пока ему не позволят закончить, он с ними даже разговаривать не будет. Тогда костоломы твоего муженька вытащили полураздетого орущего пациента в коридор, Патрик пытался остановить их, ему как-то удалось вытащить у одного револьвер, и тогда Стивен выстрелил в него. Прямо в сердце! — последние слова Гленда не произнесла, а выкрикнула с горящими от ненависти глазами.

От ужаса у Лилианы перехватило дыхание, — Гленда, откуда ты все это знаешь?

— Я была там, — прорыдала Гленда, — я пыталась помочь ему, но не смогла. Только измазалась его кровью, меня тоже вывели в коридор, но я вырвалась и убежала.

— Они не погнались за тобой?

— По-моему, Стивен их остановил, сказал, что позже сам мной займется. Я так услышала.

От гнева у Лилианы затряслись руки. Сам займется? Будь ты проклят, Стивен!

Вдруг Гленда, вскрикнув, схватилась за живот. Потом медленно осела на пол.

— Что с тобой? — Лилиана подбежала и обняла подругу, — Боже, Глен, держись.

— Вызови скорую, — прошептала Гленда, — ради бога, скорее.

Не успела Гленда договорить, как подруга кинулась к телефону.

Скорая приехала минут через семь, когда под Глендой на полу была уже лужица крови. Ее уложили на носилки и увезли в машине с воющей сиреной. Лилиана очень хотела поехать вслед за ней, но у няни Эллен был сегодня выходной, малышка могла испугаться, проснувшись и никого не увидев рядом. Поэтому Лилиане пришлось вернуться домой, девочка все еще мирно спала в своей кроватке. Позвонив мужу на работу, женщина сказала, что Гленду увезли в больницу, а через несколько часов ей позвонила медсестра из скорой, приехавшей за Глендой, и сообщила, что ребенка пациентки спасти не удалось, а ее саму с большим трудом успокоили и перевели в общую палату. Лилиана, которая даже не подозревала о беременности подруги, потребовала, чтобы ее немедленно связали с палатой Гленды. Несколько минут после этого показались Лилиане вечностью, затем сильно взволнованный голос медсестры скороговоркой сообщил, что Гленды в палате нет,

дежурная по коридору видела ее в больничном халате спускающейся по лестнице, окликнула, но так как будто ничего не слышала. За Глендой побежали, но она успела сесть в такси у двери больницы и уехала.

Лилиана бросила трубку и пулей выскочила из дома. Когда она подбежала к дому Гленды, какая-то женщина пыталась заглянуть внутрь через окно.

— Вы кто? Что вы тут делаете? — выкрикнула запыхавшаяся Лилиана.

Женщина испуганно обернулась к ней.

— Я соседка Джефрисов, живу в том доме. Видела из окна, как миссис Джефрис вышла из такси в какой-то странной одежде и вошла к себе в дом. Я решила прийти узнать, нужна ли ей помощь. Но она не открывает, я боюсь...

Женщину прервал шум падающей мебели изнутри дома. Лилиана схватила огромный булыжник с мостовой и изо всех сил запустила им в окно спальни. Стекло разбилось вдребезги, подобрав платье Лилиана запрыгнула внутрь, соседка Гленды последовала за ней. В спальне никого не было, а в гостиной посреди комнаты висела молодая женщина на веревке, прикрепленной к большой люстре. Под ногами женщины валялся тяжелый стул из орехового дерева.

Дико закричав Лилиана бросилась к висящему телу и обхватила его руками:

— Глен, Глен! Что ты наделала?

Тем временем соседка взобравшись на стул освободила шею Гленды из петли, безжизненное тело упало на плечо Лилианы, которая со слезами уложила подругу на диван с помощью той же соседки. Тут снаружи слышались сирены подъезжающих машин. Лилиана выбежала наружу и увидела выходящего из машины мужа и полицейских, из другой, белой машины выходили люди в белых же униформах.

— Стивен, — воскликнула Лилиана с крыльца, — как ты узнал?

— Мне позвонил мой человек из больницы, этот ротозей, которому я велел следить за женой Джефриса, сказал, что упустил ее. Я сразу велел снова прислать скорую к ее дому и сам поспешил сюда.

— Она повесилась, Стивен, убежала только для того, чтобы покончить с собой, ты понял?

Лицо Стивена посерело:

— Святые угодники! Жди меня здесь, не входи.

С этими словами, он в сопровождении медиков и полицейских вошел внутрь и захлопнул дверь перед носом жены. Минуты, прошедшие после этого, показались Лилиане вечностью. Затем

Стивен вышел и хмуро объявил супруге, что Гленду спасти не удалось.

III

Был уже поздний вечер, когда входная дверь квартиры Эндрюсов отворилась, и Стивен вошел в переднюю. На его обычно невозмутимом лице явно проступали усталость и досада. Жена вышла к нему из комнаты, стараясь не глядеть на нее, Стивен Эндрюс снял тяжелые форменные ботинки и по привычке аккуратно поставил их в угол. Но даже в этом простом движении чувствовалась какая-то нервозность, совершенно не свойственная офицеру Эндрюсу. Лилиана подошла к нему вплотную и уперла руки в бока.

— Какую тебе на этот раз обещали награду? За убийство врача, гибель его нерожденного ребенка и самоубийство отчаявшейся жены?

Стивен, не отвечая и все еще не глядя на жену, прошел в спальню и включил свет. Сев на свою кровать, он начал медленно раздеваться.

— Что же ты не отвечаешь? — спросила Лилиана войдя вслед за мужем, — хоть премию-то выдадут, как-никак целая семья вероотступников...

Сняв китель и брюки, Стивен встал и взял жену за руку:

— Лилиана, не я виноват в том, что случилось. Не я и не мои подчиненные заставляли доктора Джеффриса хранить у себя крамольную литературу, а его жену — распространять ее среди пациентов и персонала. Мой долг был обезвредить их любой ценой. Патрик оказал нам сопротивление, а ты знаешь, что мы делаем в таких случаях.

— Из-за каких-то книжек ты уничтожил семью моей единственной подруги? — вскричала Лилиана — в этом твой долг?

— Это были не просто книжки — отпарировал Стивен, — эти брошюры были полны всякой вредной пропаганды, вроде свободы слова, печати, мысли и прочее. То есть призыва ко всему тому, что недавно чуть не погубило всю нашу цивилизацию. Мы не можем вернуться от нашего спокойного и надежного существования к хаосу, именуемому демократией и всякими там свободами. Тебе это ясно?

При последнем вопросе глаза Стивена сверкнули яростным блеском. Лилиана невольно отпрянула, хотя ей было знакомо это состояние мужа. Он был фанатично предан идеалам того общества, которому служил с юности, после окончания религиозно-полицейского училища. И сейчас, глядя на его лицо, Лилиана поняла, что ее муж никогда не изменится, никогда не предаст то, что он считает святым. Молодой, сильный и

безусловно красивый мужчина был готов потратить всю свою жизнь на поиск и уничтожение тех, кого он считал врагами общества Санта-Фелисити. И если бы его собственная семья стала помехой на пути выполнения этого священного долга, то он, не долго думая, избавился бы и от нее. От этой мысли жене стало страшно.

В ту ночь Лилиана даже не пыталась заснуть. Она то плакала, вспоминая висящее на люстре безжизненное тело любимой подруги, то думала над ее последними словами о том, почему кто-то должен им диктовать: во что одеваться, что есть и пить, сколько раз в месяц спать с мужем, чтобы не считаться сластолюбивыми, и почему, наконец, близость даже с собственным супругом может быть оправдана только деторождением. Ответов на эти вопросы у Лилианы не было, но наверняка у кого-то они есть. И тут ее озарило: надо найти друзей Патрика и Гленды, их единомышленников. Но как это сделать, доктор Джефрис и его жена жили весьма уединенно, Лилиана даже не знала, есть ли у них какие-то родственники. Тут ей вспомнился один эпизод из прошлого, Лилиана была у подруги, та что-то готовила на кухне и попросила подождать ее в гостиной. От скуки Лилиана стала расхаживать по комнате и подошла к закрытой двери, когда в передней зазвонил

телефон. Гленда поспешно схватила трубку, минуту что-то слушала, потом вполголоса сказала:

— Следующее собрание состоится в заброшенном депо в... переулке. Да, Ульрих сам так сказал, потому что...

Тут дверь гостиной предательски скрипнула и Гленда, не договорив, положила трубку, но услышанное сильно обеспокоило Лилиану.

— Глен, что за собрание? — спросила она, — ты ведь знаешь, что они запрещены, не так ли?

Гленда умоляюще посмотрела на подругу:

— Лил, ты не должна была это слышать, пожалуйста, ни о чем не спрашивай.

— Но что это было? Ты не натворишь глупостей?

— Лил, я очень тебя прошу, — Гленда чуть не рыдала, — не говори ни слова Стивену, иначе я и Патрик — оба погибнем. Ты же этого не хочешь?

Нет, конечно, Лилиана вовсе не желала зла своей Гленде. Она исполнила ее просьбу, и забыла услышанное настолько прочно, что даже не вспомнила, когда Стивен рассказал о предполагаемом аресте Патрика. К тому же, узнав Стивен что его женушка скрыла от него — офицера Мутавы, т. е. полиции религиозных нравов, такую важную информацию, он бы, и глазом не моргнув, отправил бы ее на трудовое исправление (так они называли тюрьмы). Да, все это Лилиана прекрасно

знала. Но виденье Гленды в платье, измазанном кровью мужа, не оставляло ее в покое. У Патрика было все, а люди не идут на гибель ни за что!

IV

Когда Лилиана проснулась, постель рядом с ней была уже пустой и холодной, значит Стивен специально ушел пораньше, чтобы утром с ней не разговаривать. Из кухни доносился приятно щекочущий ноздри запах свежих гренков, слышалось щебетанье маленькой Элен, о чем-то спрашивающей свою няню Джойс.

— Как ты, моя прелесть? — войдя на кухню, спросила Лилиана. Наклонившись к дочери, сидевшей в детском креслице, мать поцеловала ее в лоб.

— Доброе утро, мэм — приветствовала ее няня-негритянка, — налить вам горячий кофе?

— Да, Джойс, спасибо. Вы можете побыть сегодня подольше обычного?

— Вам опять надо куда-то пойти? — спросила негритянка, ставя перед хозяйкой чашку с дымящимся кофе и тарелку с гренками.

— Ты ведь слышала о мисс Гленде и докторе?

Няня сочувственно кивнула.

— Да, мэм. У нас в городе вести быстро разлетаются. Такой известный врач оказался

вероотступником, моя сестра работает в его клинике, она видела как мистер Стивен...

— Ну, так вот, — резко прервала Лилиана, она была не в силах снова слышать как ее муж застрелил Патрика, — надо забрать тела, заняться похоронами. Я поеду после завтрака в морг и...

— Какими похоронами? — удивленно спросила няня. — Вы же знаете, отщепенцев не разрешают хоронить на кладбище, их тела сжигают в крематории. Вам их не выдадут.

— Ах да, — на глаза Лилианы навернулись слезы. — Я и забыла совсем. Не смогу их даже похоронить.

— Миссис Эндрюс, ну, не переживайте вы так. — Джойс успокаивающе похлопала ее по плечу — Что тут поделаешь! Почему бы вам не выйти прогуляться чуток? Сегодня такая чудная погода.

— Конечно, я пойду, — Лилиана обрадовалась, что появился повод выйти из дома. — Я постараюсь слишком долго не задерживаться.

Заброшенное депо, о котором говорила Гленда, находилось позади главной достопримечательности города — Девичьей Башни, иначе именуемой Старой Крепостью, на темной и безлюдной улочке. Перед тем, как обойти крепость и выйти на эту улицу, Лилиана оглянулась, чтобы посмотреть — не следит ли кто за ней. Но время